
ОН — МОЙ ХАОС.
И МОЙ ПОКОЙ.
НЕ УМЕЮ ЧИТАТЬ ТИШИНУ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
РОМАН
18+

Лиза Корт
Не умею читать тишину

https://litres.ru/74732303
SelfPub; 2026

Аннотация

Всё началось с «Привет)». Я ответила на него просто потому, что мне было скучно. Ну, так я себе говорила.

Меня зовут Ника, мне двадцать четыре, и я умею превращать любую мелочь в событие. Сообщение без смайлика? Целая драма. Он молчит три часа? Тут уже нужна консультация с Кирой и, возможно, с Меркурием.

А Марк пишет коротко. Не объясняет. Не обещает. Зато приезжает с курткой, когда я мёрзну, и знает, что я скажу, ещё до того, как я открою рот. Я люблю словами. Он любит действиями. Мы оба ждём доказательств на языке, которого другой не понимает.

Я не драматизирую, я рассказываю с чувством. Просто иногда тишина говорит громче, чем любое «люблю». А я так и не научилась её читать.

Содержание

Глава 1. «Привет)» 4
Глава 2. «Весёлый, но не мой» 12
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Лиза Корт
Не умею читать тишину

Глава 1. «Привет)»

Я смотрю на экран собственного телефона и не могу поверить своим глазам. « Привет»? Он сейчас серьезно? Кто вообще в 21 веке так знакомится? И самый главный вопрос: а что принято отвечать на такие сообщения? Тоже «привет»? Ну да. Давай будем здороваться по кругу и спрашивать друг у друга как дела. Это же так увлекательно и сразу видно, насколько богат наш внутренний мир.

Тяжело вздыхаю. Передо мной стоит очень тяжелый выбор: проигнорировать это сообщение или все-таки что-то придумать, дать ему возможность зацепиться хоть за что-нибудь и продолжить диалог. Грубо говоря, дать ему еще один шанс проявиться. Все же делаю вывод, что мне сейчас слишком скучно. Времени свободного ужасно много, а развлечений слишком мало. Вдруг из этого диалога что-то интересное да получится.

Знала бы я тогда, что именно из этого всего выйдет…

Пальцы быстро стучат ответ:

«Доброго утра тебе, человек незнакомый))»

Откладываю телефон на прикроватную тумбу и практиче-

ски сразу же забываю о таком странном способе знакомства.

Просыпаюсь окончательно только после третьей чашки кофе. Первые две уходят на то, чтобы вспомнить, как меня зовут и почему я вообще работаю удалённо, если мне всё равно приходится вставать.

Дальше по плану — работа. Только открываю ноутбук, как на почте уже висит новое письмо от любимого заказчика.

Тема: «Правки (срочно!!!)».

Я открываю его с лицом человека, который заранее знает, что сейчас будет больно.

«*Добрый день, Ника! Логотип отличный, но хотелось бы как-то поживее. И чтобы было серьёзно, но не скучно. Можно сделать красивее?*»

Красивее. Я смотрю на слово «красивее» так долго, что оно перестаёт быть словом. Три недели назад этот же человек просил «минимализм». Потом «чуть больше деталей». Теперь «красивее». Если я сделаю логотип в виде кота с галстуком, он, наверное, тоже скажет, что почти то, только поживее.

Пишу коротко, с каменным лицом: «Конечно, посмотрю, что можно улучшить))». Очень хочется хлопнуть крышкой ноутбука после отправки. Но нельзя. У меня еще три проекта на очереди и одно собеседование. Еще один вздох. Тяжелый, будто снимаюсь в драме.

Телефон звонит. «Мамочка». Смотрю на экран и мысленно проигрываю возможные варианты разговора. Вариант

первый: у неё что-то случилось. Вариант второй: у неё ничего не случилось, но она проверяет, жива ли я, потому что я не звонила со вторника. Второй вариант в шестидесяти случаях из ста.

— Привет, мам.

— Ничего себе, ты умеешь поднимать трубку?

Ворчит. А чего я еще ждала?

— Мам, я работаю. Я же говорила.

— Работает она. Я тоже работала, и ничего, находила время позвонить матери. Ты вообще ела? Так, подожди, не отвечай, у меня плита, я потом спрошу. Слушай, ты не представляешь, что вчера было. Тётя Галя, которая с третьего этажа, помнишь, у неё ещё внук такой упитанный, но милый мальчик, вот. Так она встретила меня у подъезда и начала рассказывать, что у Людки, ну, у той, у которой дочка на врача учится, ремонт затеяли. И знаешь, сколько они заплатили за плитку?

— Не знаю, мам.

— Вот и я сказала: не знаю! А она мне: «Три тысячи за метр!» Три тысячи, Ника! За плитку! Я ей говорю, Галь, у нас в ванной плитка ещё с девяносто восьмого года, и ничего, стоит. А она…

Я перекладываю телефон на плечо и открываю ноутбук. Это совершенно нормально. Мама может говорить сорок минут без пауз, и от меня на этом фронте требуется только вовремя вставлять «ого», «да ты что» и «ну это она зря». Один

раз я целый звонок промолчала, а потом она сказала, что это был один из самых содержательных разговоров в её жизни.

— …и главное, что я ей ответила, — продолжает мама, — я сказала: «Галь, дело не в плитке, дело в уважении». Не знаю, к чему я это сказала, но она замолчала. Представляешь?

— Ого.

— Вот именно. Ладно, а у тебя как? Тьфу, подожди, у меня там что-то убегает.

Слышу, как грохает крышка, и невольно улыбаюсь. Открываю письмо от заказчика ещё раз. «Красивее». Красивее, чем что? Красивее, чем жизнь?

— Так. Всё. Это был суп. Суп жив. Так что я говорила? Ты в воскресенье придёшь?

— Приду.

— Хорошо, пирог будет, с яблоками, твой любимый. Соня тоже придёт, она с этим своим новым, ну, с тем, которого мы ещё не видели. Мне, правда, кажется, что он какой-то скользкий, но я ничего не говорю. Я вообще ничего не говорю, ты же знаешь. А то потом скажут, что мать лезет.

Она лезет. Она всегда лезет, и в этом половина её любви.

— Мам.

— Что?

— Ничего. Я просто…

Хотела сказать что-то про сегодняшнее утро. Про «Привет)», про странного человека, про то, что мне почему-то ин-

тересно. Но слова застревают где-то на полпути, и я просто слушаю, как мама гремит чем-то на кухне.

— Что «просто»?

— Просто люблю тебя.

Пауза. Это удивительно: мама не говорит секунд пять.

— Ты там не заболела? — настороженно спрашивает она. — Одевайся теплее, там холодает. Ладно, всё, мне надо доготовить суп. Целую.

Гудки. Я смотрю на погасший экран и понимаю, что про сообщение я ей так ничего и не рассказала. Не потому, что нельзя. Просто с мамой разговор всегда идёт о другом, и в нём некому и негде спросить: «А у тебя там что?»

После разговора я ещё минуту сижу и смотрю в потолок. Потом экран загорается. Приходит ответ, спустя полдня, как будто так и надо:

«*Доброе утро? Уже вообще-то день*».

Ну надо же. Проснулся.

Беру телефон и начинаю печатать: «Ну вообще-то у меня утро начинается, когда я допиваю кофе». Стираю. Слишком длинно. Пишу: «У творческих людей время относительно». Стираю. Слишком самодовольно. Пальцы зависают над клавиатурой, и я понимаю, что смотрю в экран уже довольно долго и до сих пор не имею понятия, что ответить.

Отвлекаюсь на дверь, которая открывается без стука, потому что у моей сестры понятие «стучаться» отсутствует как класс. Соня проскальзывает внутрь с шуршащим пакетом.

— Привет, я мимо проходила, купила нам чипсы.

— Угу.

— Ты чего зависла?

— Я не зависла. Я работаю.

Она садится на край кровати, вскрывает пачку и косится на мой телефон.

— Кто это?

— Никто.

Говорю это слишком быстро и тут же блокирую экран, так и не придумав ничего оригинального в ответ. Она поднимает бровь, но молча протягивает мне чипсы. Я беру горсть, хотя не хочу.

— Никто так никто, — пожимает плечами и включает на моём ноутбуке какое-то видео про человека, который восемь часов пытается собрать шкаф из ИКЕА. Он ругается на инструкцию, на шурупы и на судьбу. Я смотрю на экран и не слышу ни слова. Телефон лежит под ладонью, и я чувствую, как он нагревается. Или мне только кажется.

— Хочешь чай? — спрашивает Соня, не отрываясь от шкафа.

— Нет.

— А я хочу. Сиди, я сама.

Она встаёт, прихватывает пачку чипсов (мою же, между прочим, купленную на мои же деньги, в смысле на её, но суть та же) и уходит на кухню. Хлопает дверь. Чайник щёлкает. Я считаю до трёх и переворачиваю телефон.

«*Доброе утро? Уже вообще-то день*».

Так. «Творческие люди» и «кофе» мы уже отмели. Нужно что-то, что не звучит так, будто я репетировала. Печатаю: «*Это не день, это утро с опозданием. Разница принципиальная*». Отправляю, пока не стала редактировать себя в третий раз.

Ответ приходит почти сразу:

«*Принципиальная для кого?*»

Продолжаю:

«*Для меня. Я решаю, когда у меня утро*».

Его ответ вызывает улыбку. Первую, при переписке с ним:

«*Понял. Тогда я писал тебе в твоё утро, а не днём. Вину беру на себя*».

Кошусь на дверь кухни. Чайник там гудит и вот-вот щёлкнет. Печатаю быстро: «*Вину принимаю. Но с тебя объяснение. Что за скобка в твоём "Привет)"? Что она должна была значить?*»

Секунда. Две. Три. Я уже готова пожалеть, что вообще спросила.

«*Это когда не знаешь, что сказать, но хочешь выглядеть дружелюбно*».

Я хмыкаю. Честно. Подозрительно честно.

«*А у меня целых две. Это от вежливости*».

«*Я заметил. Две — уже не вежливость*».

«*А что тогда?*»

«*Заинтересованность*».

Телефон остаётся в руке, а я смотрю в одну точку и не нахожу, чем ответить. Ну потому что кто так отвечает? Кто вообще говорит такие вещи, не поставив даже смайлика?

Хлопает дверь. Соня возвращается с двумя кружками, ставит одну на тумбочку, и я успеваю перевернуть телефон экраном вниз, чуть быстрее, чем нужно.

— Я же пью без сахара, — говорю я, глядя в кружку.

— Это без.

— Тогда почему сладкий?

— Не знаю. Может, это ты сладкая.

Она падает на кровать и снова включает видео со шкафом. Я беру кружку, делаю глоток и вдруг понимаю, что уже пару минут держу уголки губ так, будто ужасно стараюсь их не поднимать.

Глава 2. «Весёлый, но не мой»

За неделю у нас с Марком выстраивается система. Я пишу длинно, он коротко. Я задаю три вопроса, он отвечает на один, но так, что остальные два перестают быть интересными.

Утро у меня теперь начинается не с кофе, а с проверки телефона. Кофе идёт вторым пунктом, как бы в наказание за то, что я такая предсказуемая. Я открываю глаза, нашариваю телефон на тумбе, и думаю: «Я не жду», пока пальцы стучат «Доброе утро)» по экрану. Потом приходит ответ и я понимаю, что все-таки ждала.

Сегодня сообщений нет. Зато есть работа. Мой любимый заказчик, тот самый, что хотел «красивее», прислал новое письмо:

«*Ника, добрый день! Обсудили с командой. Нам кажется, что логотип слишком логотипный. Можно как-то менее?*»

Я смотрю на «менее» с таким выражением лица, что даже кружка на столе, по-моему, отодвигается. Менее что? Менее логотипный? Менее красивый? Менее испорченный тысячной правкой? Я вздыхаю, открываю файл и начинаю двигать завиток на два пикселя влево, потому что иногда лучшая стратегия — просто делать вид, что ты работаешь.

Телефон вибрирует на четвёртом пикселе.

«*Ты вчера не ответила*».

Он пишет это без вопросительного знака, как констатацию. Как будто фиксирует факт для протокола. Я смотрю на сообщение, и пальцы сами печатают, прежде чем мозг успевает вмешаться:

«*Я вчера ответила. Ты ответил "ок" и пропал*».

«*"Ок" это был ответ*».

«*"Ок" — это не ответ, это акт капитуляции*».

«*Хорошо. Тогда это была капитуляция*».

Я фыркаю. Если бы кто-то сейчас зашёл в комнату, он бы увидел взрослую женщину двадцати четырёх лет, которая сидит в растянутой футболке над логотипом и хихикает над словом «капитуляция». К счастью, никто не заходит.

Я откидываюсь на спинку стула и пишу то, что давно хотела спросить:

«*Слушай, а какой ты вообще?*»

«*В смысле?*»

«*В прямом. Характер. Только без "я простой человек, люблю природу и честных людей". Это все пишут*».

Пауза. Три точки появляются, исчезают, появляются опять. Я ловлю себя на том, что слежу за ними слишком пристально. Он печатает долго. Потом приходит:

«*Характер у меня тяжёлый*».

Я смотрю на его ответ несколько секунд.

«*Это шутка?*»

«*Нет. У меня очень тяжёлый характер. Говорю сразу, чтобы потом не было "ты не предупреждал"*».

Я закатываю глаза так выразительно, что на секунду вижу собственный потолок изнутри. Серьёзно? Тяжёлый характер. Кто вообще так говорит? Я за свои двадцать четыре слышала это много раз. «У меня сложный характер» говорят мужчины, которые не моют за собой кружку. «Я не для всех» говорят те, у кого для всех нет времени. «Со мной будет непросто» говорят люди, которые мечтают, чтобы вы ответили: «Ничего, я справлюсь». Я этот сценарий знаю наизусть и знаю, что в конце обычно выясняется: никакого тяжёлого характера нет, есть обычная лень, приправленная лёгким нарциссизмом.

Пишу:

«*Ну конечно. Тяжёлый. Это в смысле ты по вечерам читаешь Ницше и страдаешь*?»

«*Нет. Я по вечерам смотрю фильмы*».

«*Это одно и то же*».

«*Почти*».

«*Давай я угадаю. Ты не любишь, когда тебе звонят без предупреждения, не любишь, когда лезут в душу, и вообще ты человек-загадка?*»

«*Не люблю, когда опаздывают. Остальное зависит от настроения*».

Вот это, надо признать, честно. Я кручу в руках карандаш для планшета и думаю, что бы такое умное ответить, когда приходит ещё одно сообщение:

«*Ещё я не жадный. И не терплю ложь. Это чтобы ты*

знала».

Я перечитываю это дважды. Потом читаю вслух, в пустую комнату, голосом диктора:

— Ещё я не жадный и не терплю ложь.

И начинаю смеяться. По-настоящему, до слёз. Карандаш выпадает из рук и катится под стол, а я всё не могу остановиться.

«*Ты сейчас точно не диктуешь анкету для сайта знакомств?*»

«*Анкета была бы длиннее*».

«*Рост, вес, любимый фильм, отношение ко лжи и жадности*»?

«*Рост сто восемьдесят шесть. Остальное опущу*».

«*Благодарю за честность*».

«*Не за что. Я предупредил*».

Я смотрю на последнее слово. «Предупредил». В нём нет ни кокетства, ни вызова, ни той тягучей театральности, с которой обычно произносят такие вещи. Он говорит так, как говорят на инструктаже по технике безопасности: вот огнетушитель, вот выход, вот у меня тяжёлый характер. Я улыбаюсь. Мне даже нравится эта сухость. Всю жизнь я окружена людьми, которые говорят красиво и ничего не имеют в виду, а тут человек, который говорит просто и, похоже, имеет в виду всё.

Конечно, я не верю. Люди, которые умеют так шутить, не бывают тяжёлыми. Тяжёлые молчат, обижаются и прячут те-

лефон. А этот отвечает на «капитуляцию» и признаётся, что по вечерам просто смотрит фильмы. С такими всё понятно: самоирония как защитная окраска. Я наберу побольше длинных сообщений, он наберёт побольше коротких, и мы славно подружимся.

Я так и думаю. Именно так. Запомните этот момент.

Кире я звоню в среду, потому что копить новости до пятницы опасно для здоровья обеих сторон. Она берёт трубку на втором гудке и начинает без «привет»:

— Рассказывай. У тебя голос как у человека, который съел что-то вкусное и скрывает.

— Я ничего не скрываю. Я просто…

— Ника.

— Ну, есть один человек. Он мне пишет.

— Какой человек?

— Марк. Руководит чем-то. Большая компания, я не вникала.

— Фу, начальник.

— Он не «фу».

— Я слышу, что не «фу». У него кто-то есть?

— Нет. Он недавно расстался с девушкой.

— Насколько недавно?

— Не знаю. Он не рассказывает, сказал только, что всё закончилось. Они были вместе восемь лет.

— Сколько?!

— Восемь.

— Ника, это не отношения, это ипотека. Он вообще в курсе, что свободен?

— Я не уточняла.

Мы хохочем. На том конце что-то падает, и мне не нужно спрашивать, что именно. У Киры всегда что-то падает, когда она смеётся. Прошлым летом это была чашка, до этого лампа, а один раз целый стеллаж с книгами, который она потом называла «авторской перестановкой».

— Слушай, а он нормальный? — спрашивает она, отдышавшись.

— Ну, он сразу сказал, что у него ужасно тяжёлый характер.

— Конечно. Они все так говорят.

— Я тоже так подумала.

— Серьёзно, Ника, ты когда-нибудь слышала, чтобы кто-то сказал: «У меня лёгкий характер, со мной можно просто жить»? Нет. Потому что тот, у кого он лёгкий, не заявляет об этом в первый же день. Он просто молча моет посуду.

— Вот и я о том же.

— Значит, обычный. Закатывай глаза и не грузись.

Я закатываю. Хотя Кира этого не видит. Просто по привычке. Потом она вздыхает. Это особенный вздох, у которого есть своя интонация: сейчас будет Кирина тема.

— Знаешь, я так устала, — говорит Кира. — Последний, помнишь, Влад? Взрослый мужик, а ведёт себя так, будто его выпустили из детского сада на два часа под честное слово.

— Что он сделал?

— Сначала он минут сорок объяснял мне, что понедельник — это на самом деле вторник, который не определился. Я говорю: «Влад, что?» А он: «Ну ты подумай». Я подумала. Ничего не придумала.

— Это он так шутил?

— Нет, Ника. Он был серьёзен. Потом он спросил, какой у меня любимый динозавр.

— Какой у тебя что? — Переспрашиваю с надеждой, что ослышалась.

— Какой. У меня. Любимый. Динозавр. Я сказала, что у меня нет любимого динозавра, и он надулся. Реально надулся, вот так, губы трубочкой. И сказал, что я «не умею играть». А потом заявил, что ему нельзя наступать на швы между плиткой, и до туалета шёл на цыпочках, как сапёр. Официантка спросила, всё ли в порядке. Он ей ответил: «Тут лава».

— Господи.

— Когда принесли еду, он сообщил, что кошки на самом деле не мяукают, они просто делают вид, а разговаривают на человеческом, мы просто не слушаем. Я спрашиваю: «Влад, кто тебе это сказал?» Он: «Это знают все».

— Кира, мне его почти жалко.

— А мне себя. Я хотела уйти на втором часу, но он сделал лицо щенка, которого забыли выгулять, и я осталась ещё на час. А в конце он обиделся, что я не захотела играть с ним

в «кто первый моргнёт». Прямо за столом. С серьёзным видом. Я проиграла специально, чтобы он отстал.

Я лежу на кровати и смеюсь в подушку, чтобы не оглушить соседей.

— Мне нужен кто-то, — продолжает она уже тише, — у кого в голове больше одной мысли, и чтобы эти мысли хотя бы были знакомы друг с другом. Кто разговаривает как человек, шутит, а не просто несёт чушь. Это же не космос?

И тут у меня вырывается. Просто вырывается, как чихание.

— У меня есть один такой.

— В смысле?

— Марк. Мне кажется, в жизни он живой и интересный.

— Ты хочешь его себе?

Я открываю рот и закрываю. Потом снова открываю.

— Мы просто общаемся, дружим.

— Знакомь, — говорит Кира.

— Что?

— Знакомь. Я посмотрю. Если мой, то заберу. Если нет, то хотя бы поем за чужой счёт.

— Он сказал, что не жадный.

— Ну вот! Всё сходится.

Я кладу трубку и ещё минуту сижу на кровати, глядя на телефон. Странное ощущение. Как будто я сделала хороший, правильный, дружеский поступок и почему-то он мне совершенно не нравится.

В пятницу в кафе у метро Марк приходит ровно в шесть.

Я знаю, потому что сама пришла без десяти и нервничала на лавочке напротив, перебирая в голове все возможные катастрофы. Что он на самом деле окажется другим, как это бывает с людьми из переписки. Что у него на самом деле будет жена. Что на самом деле у меня на зубах помада. Последнее я проверяю в зеркальце четыре раза.

Он выходит из-за угла в чёрной рубашке с закатанными рукавами. Пиджак висит на локте. На запястье часы. И рисунки, о которых я ничего не знала: тёмные, плотные, они выглядывают из-под воротника и ползут по кистям. И глаза. Светлые. Нет, ну это уже просто нечестно, информацию о таком надо присылать заранее.

— Ника, — говорит он и коротко кивает на дверь кафе, будто мы условились именно так.

— Привет, — отвечаю я, стараясь не таращиться на него во все глаза.

Не «привет)». Без скобки. Чтобы не выдать вообще ничего.

Мы входим. Он придерживает дверь не театрально, а так, что я замечаю это уже внутри. Выбираем столик у окна. Он садится спиной к стене, лицом к входу, и я мысленно записываю: человек, который любит видеть, кто заходит. Не знаю, что это значит, но записываю.

— Кира опаздывает, — говорю я зачем-то.

— Знаю.

— Откуда?

— Ты три раза смотрела на телефон.

— Это не доказательство.

— Нет. Доказательство — это что ты смотрела на дверь.

Я открываю рот для возражения и понимаю, что возражать нечем.

Кира влетает через двенадцать минут. С шумом, пакетами, парой извинений, которых никто не просил, и бусами, которые цепляются за ручку двери. Выпутывается, смеётся, падает на стул.

— Простите-простите, пробки!

Марк смотрит на часы. Потом на Киру. Потом снова на часы.

— Двенадцать минут, — сообщает он ровным голосом. — И пробки на метро. Любопытно.

Кира замирает. Я тоже. Секунды две в кафе стоит такая тишина, что слышно, как соседний столик размешивает сахар. А потом Кира начинает хохотать. Так, что падает сумка. Так, что оборачивается официантка.

— Ладно, ладно. Я потеряла серёжку и полчаса искала её под диваном. Врать не буду. Это был стыдный день.

— Спасибо, — говорит Марк. — Это я могу принять.

— Он что, меня проверяет? — шепчет Кира мне, подавшись через стол.

— Я слышу, — невозмутимо замечает Марк. — И не проверяю. Просто не терплю ложь. Я предупреждал.

— Ты меня предупреждал?

— Её. — Смотрит прямо на меня. Кажется, даже не моргает.

— Он сказал это в первый же день, — вставляю я. — Вместе с «я не жадный».

— Боже, — говорит Кира, закатывая глаза. — Это у вас что, пакет услуг?

Мы смеёмся втроём. Это приятный смех, лёгкий, без натуги, такой, какой бывает, когда за столом тебе рады. Я отпиваю кофе и думаю, что, может, всё это не катастрофа, а просто хороший вечер.

Марк оказывается не роботом. Он рассказывает про работу и рассказывает так, будто мы с ним сто лет знакомы и он просто делится свежими новостями. Про человека, который на планёрке с абсолютно серьёзным лицом спросил, нельзя ли «чуть меньше цифр в отчёте».

— Я ему говорю: хорошо, уберём семёрки. Он кивнул и записал.

Про тот день, когда в лифте застряли сразу четыре отдела и устроили собрание между третьим и четвёртым этажами. Он показывает руками, кто где стоял, изображает бухгалтера, который пытался достать ноутбук из портфеля в зажатой толпе, и когда доходит до момента, где у начальницы юридического отдела посреди обсуждения бюджета сработал будильник «йога, 19:00», смеётся первым: громко, открыто, запрокинув голову. Кира хватается за стол.

— Подожди, подожди, — выдыхает она, вытирая глаза. — Ты же выглядишь как человек, который не смеётся.

— Я смеюсь. Выборочно.

— Над чем?

— Над арбузами, например.

Оказывается, в детстве он пытался вынести арбуз из магазина под курткой, и всё шло идеально, пока охранник не спросил, давно ли у него такой живот. Марк показывает лицо мальчика, который пытается сохранить достоинство с арбузом в районе пупка, и мы с Кирой складываемся пополам. У меня болит живот. Я точно знаю, что завтра будут болеть щёки.

Он подхватывает Кирины шутки на лету и возвращает их с процентами. Спорит с ней, нужно ли в кафе заказывать десерт «на всех» или «каждому своё», и умудряется проиграть с таким видом, что выигрывает. Я смотрю на него и никак не могу совместить этого человека с тем, который пишет «ок» и пропадает. Пока он рассказывает про арбуз, он несколько раз поворачивается ко мне, и в какой-то момент задерживает взгляд чуть дольше, чем нужно. Не отводит, как делают смущённые люди, а просто смотрит, слегка прищурившись, будто что-то проверяет. Потом усмехается и отворачивается.

Я решаю, что мне показалось.

— Ты когда-нибудь замолкаешь? — вдруг спрашивает он, глядя на меня.

Я осознаю, что последние три минуты что-то объясняла

про Меркурий и почему из-за него у меня в тот день не работал принтер.

— Не знаю. Не пробовала.

— Попробуй. Я послушаю.

— Это комплимент или претензия?

— Не бери в голову.

Кира смотрит на нас по очереди, как на теннисный матч, и мне кажется, что она едва заметно улыбается в чашку. В уборной она захлопывает за нами дверь и прижимает меня к раковине.

— Ну?

— Что «ну»?

— Он весёлый.

— Я же говорила.

— Весёлый, — повторяет Кира и разглядывает себя в зеркале, поправляя помаду. — Но не мой.

— Почему?

— Не знаю. Знаешь, как бывает с красивым блюдом, которое уважаешь, но заказывать не будешь?

— Нет. Но ладно.

— Он классный, Ника. Правда. Просто я рядом с ним чувствую себя как на собеседовании. А ты…

— А я?

— А ты рядом с ним как дома. — Она встречает мой взгляд в зеркале. — Ты чего выдохнула?

— Я не выдохнула.

— Выдохнула. Я слышала.

— Просто это было бы неловко, если бы вы понравились друг другу.

— Конечно, — говорит Кира слишком мягко.

Она выходит первой, ссылаясь на «встречу», о которой я слышу впервые. Подмигивает мне у двери так, что мне хочется её немедленно удавить. Хлопает дверь, и я остаюсь одна. Смотрю на себя в зеркало, на раскрасневшиеся щёки и глупую улыбку, и в голове крутится одна мысль: «Это неловко. Мне неловко». Хотя на самом деле мне, кажется, наоборот.

на нашем столе лежит чек, и Марк кладёт на него карту, даже не заглянув в сумму.

— Я заплачу, — говорю я.

— Нет.

— Ну хоть половину.

— Я же говорил, что не жадный.

— Это не жадность, это принципы.

— Тогда у нас разные принципы.

Он произносит это очень ровно, без нажима, так, будто констатирует погоду. И по тому, как он убирает карту, я понимаю, что спор закрыт и что открывать его заново я не буду. Не потому, что боюсь. Просто странно спорить с человеком, у которого на лице написано: «Я уже всё решил, но ты можешь злиться, если хочешь».

На улице холоднее, чем днём. Октябрь вспоминает, кто

тут главный, и бросает на город первые настоящие сумерки. Я иду рядом с Марком по набережной, потому что идти домой сразу кажется неправильным. Мы не договаривались, просто оба замедляем шаг у перекрёстка и оба делаем вид, что это случайно.

Я говорю. Как обычно, много. Про логотип «менее логотипный». Про маму, которая спрашивает, ела ли я, и про то, как у нас дома одна и та же плитка с девяносто восьмого года. Про то, как в детстве я хотела быть либо балериной, либо следователем, а стала человеком, который двигает завитки. Про Меркурий в ретрограде и про то, как на прошлой неделе я перепутала соль и сахар, и кофе получился такой, что я пила его с выражением лица как после лимона.

— Мне не холодно, — говорю я в какой-то момент, хотя меня никто не спрашивал.

— Ты врёшь.

Я останавливаюсь.

— Что?

— Руки в рукавах, плечи вверх, зубы сжаты. Тебе холодно.

— Это не ложь, это вежливость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.